

ГРАФИНЯ ДАШЪ.
ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ЛОЗЕНЪ.
РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ф.Х.Гордана, Вознесенскій пр. № 47.
1878.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 25 мая 1878 г

ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ЛОЗЕНЪ.

РОМАНЪ.

ГРАФИНИ ДАШЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Послѣ обѣда поѣхали кататься въ лѣсъ, кто какъ хотѣлъ; только принцессъ король взялъ съ собой въ коляску. Происшествіемъ во время этой прогулки было появленіе Нанжиса въ свитѣ герцога Бургундскаго, отъ котораго онъ не отходилъ ни минуты.

Принцесса и не глядѣла на него; но м-ме де Лоржъ, чтобъ поддержать свои слова, отвела его въ сторону и разговорила съ нимъ. Тутъ онъ не выдержалъ и разсказалъ ей свое страшное положеніе.

Возвратясь изъ парка, онъ былъ у м-ме де ла Врильеръ, и она ему объявила, что если онъ еще заговоритъ съ принцессой и покажетъ видъ какой-нибудь короткости съ ней, она при всѣхъ, при самомъ королѣ, заявитъ свою претензію.

— Ну, этого она не сдѣлаетъ!

— Сдѣлаетъ, отвѣчалъ Нанжисъ; — вы ее не знаете.

— Въ такомъ случаѣ надо сожалѣть, что васъ такъ любятъ.

— Да вѣдь это не мешаетъ и мнѣ ее любить.

— Больше, чѣмъ принцессу?

— Совершенно иначе.

— Послушайте, отвѣтите вы мнѣ откровенно, если я дамъ вамъ слово оставить вашъ отвѣтъ между нами?

— Ахъ, только этого-бы я и хотѣлъ, еслибъ за мою откровенность мнѣ дали добрый совѣтъ и помогли выйти изъ этой путаницы.

— Положимъ, что принцесса — не принцесса и расположена къ вамъ; стали-бы вы колебаться между ней и м-ме де ла Врильеръ?

— О, нѣтъ! ни минуты!

— Ну, хорошо; теперь я знаю, что дѣлать. Надо мой милѣйшій, чтобъ принцесса перестала вами заниматься; при вашей способности увлекаться, вы безпрестанно будете только измѣнять ей. Я постараюсь осторожно отвлечь ее и надѣюсь, что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Уже сегодня утромъ м-г де Молевріе удалось почти занять ваше мѣсто.

Странная вещь человѣческое сердце! Нанжису стало вдругъ жаль потерять то, что

онъ не хотѣлъ сохранить.

— Благодарю васъ, поспѣшно вскричалъ онъ, — но не торопитесь пожалуйста!

— Да неужели вы думаете, что принцессу допустить обожать васъ, когда вы къ ней такъ жестоки? Да развѣ васъ некому замѣнить? Полноте, при дворѣ не мало красавцевъ!

Нанжису оставалось только поклониться на этотъ щелчокъ. Какъ было-бы трудно при дворѣ безъ поклоновъ!

Изъ сколькихъ затрудненій они выводятъ!

Между тѣмъ Молевріе не терялъ времени. Весь этотъ и слѣдующій день онъ не отходилъ отъ герцогини Бургундской и такъ сѣмѣлъ занять ее, что она не могла безъ него обойтись.

Когда онъ дѣлалъ видъ, что хочетъ уйти, боясь надоесть, она его удерживала, была очень весела и ни м-ме де Лоржъ, ни кому другому, не говорила ни слова о Нанжисѣ притворяясь, что не обращаетъ на него вниманія.

Все это было ненатурально, но предвѣщало возможность очень серьезной перемены.

Нанжисъ былъ самъ не свой: честолюбивые планы, которые онъ невольно создалъ, разрушались, и любовь къ м-ме де ла Врильеръ не утѣшала его. Ему вовсе не хотѣлось быть оставленнымъ, и это обрывалось на ней, онъ былъ съ нею рѣзокъ, неровень, не отвѣчалъ на ея ласку, сидѣлъ хмурый, задумчивый.

— Такъ вамъ жаль того, что вы потеряли, говорила она безпрестанно и грозила убить себя, чтобъ избавить его отъ своего присутствія.

Онъ пугался, просилъ прощенья, обѣщалъ исправиться, а черезъ часъ начиналъ опять то-же.

Лозень торжествовалъ, глядя на это. Только Молевріе не такъ скоро подвигался, какъ онъ желалъ. Ему хотѣлось-бы руководить его дѣйствіями. Онъ не разъ подсмотрѣлъ что принцесса съ такимъ сожалѣніемъ и нѣжностью смотритъ на Нанжиса, когда тотъ отворачивался, что замѣтъ онъ это только — сейчасъ-же опять будетъ у ея ногъ. Одна минута могла все разрушить.

— Молевріе не довольно смѣлъ; онъ не умѣетъ взяться съ этими женщинами, говорилъ Лозень. Отъ нихъ нахрапомъ только и можно чего нибудь добиться.

Но онъ и не подозрѣвалъ всѣхъ трудностей и хитраго плана, искусно задуманнаго и веденнаго человѣкомъ, котораго онъ обвинялъ въ глупой робости.

Тестъ его, маршалъ Тессе, былъ первый шталмейстеръ герцогини Бургундской; она сама его назначила за то, что онъ велъ переговоры о ея замужествѣ, и особенно отличала его.

Маршалъ, такъ же какъ и его дочь, не могъ удержать зятя убѣжденіями побережь свое семейное счастье. Это стояло для Молевріе на второмъ планѣ; онъ, не задумываясь и ничего не боясь, пользовался своими шансами. Отравившись къ м-ме Кантенъ, извѣстной своей преданностью маршалу, онъ попросилъ ее передать герцогинѣ Бургундской важное письмо отъ маршала, который будто бы желалъ, чтобы содержаніе его знала одна принцесса.

М-ме Кантенъ слишкомъ знала дворъ, чтобы не понять, что было въ письмѣ, но конечно не показала и вида. Она взяла письмо и обѣщала Молевріе передать принцессѣ, когда они останутся одни. Такъ она и сдѣлала.

— Письмо отъ г-на маршала Тессе, сказала Кантенъ герцогинѣ; — меня просили тайно передать это вашему королевскому высочеству; никто, кромѣ васъ, не долженъ знать о немъ.

— Какія нибудь извѣстія изъ Савойи или Испаніи, небрежно отвѣчала принцесса,

знавшая, можетъ быть, еще больше своей приближенной.

— Вашему высочеству угодно будетъ припомнить, о чемъ меня просили.

— Да, да, Кантенъ; ступай и посмотри, чтобы кто нибудь не вошелъ, особенно герцога Бургундскій. Онъ не съ умѣетъ ничего скрыть отъ короля.

Оставшись одна, принцесса распечатала письмо и повидимому читала и перечитывала его, потому что Кантенъ долго стояла на сторожѣ.

Письмо было искусно написано, очень почтительно, очень покорно, но и очень страстно вмѣстѣ съ тѣмъ: онъ не могъ жить безъ нея; въ одной ея улыбкѣ, въ одномъ ея взглядѣ вся его жизнь. Онъ ни о чемъ не просилъ, только смиренно падалъ къ ея ногамъ, умоляя простить его безумную смѣлость: дольше молчать онъ былъ бы не въ состояніи. Теперь онъ не осмѣлится больше поднять на нее глазъ и ждетъ своего приговора, если она велитъ ему уйти, онъ скажетъ прости всѣмъ — и ей, и своимъ близкимъ, все для него погибло.

Принцесса сравнивала эту горячность съ холодностью Нанжисъ; къ несчастью, холодность Нанжиса подстрекала ее, къ увлеченію примѣшивалось самолюбіе и желаніе торжества надъ соперницей; а главное несчастье было въ томъ, что это увлеченіе было искренно; она любила Нанжиса, наперекоръ самой себѣ, именно потому, можетъ быть, что онъ ей не платилъ взаимностью.

Однакоже она не прочь была поощрить и не отвергать Молевріе, какъ разъ подходившаго для этой роли; привѣтливо обошлась съ нимъ, когда они встрѣтились послѣ письма, и ни слова не говоря, прочла его или нѣтъ, дала ему понять, что онъ ей не противенъ.

Караулившій Лозенъ, услышавъ похвалы, расточаемыя достоинствамъ писемъ, догадался, что дѣло идетъ о какой нибудь запискѣ. И онъ сталъ превозносить любовь и ея прекрасныя выраженія въ письмахъ, гдѣ они остаются навсегда, гдѣ ихъ постоянно можно пѣречитывать. Письмо такой чудесный помощникъ для влюбленныхъ! и т. д. Герцогиня распространилась еще больше. Молевріе былъ на седьмомъ небѣ.

Между тѣмъ Нанжисъ не отходилъ отъ своего покровителя и чахъ отъ нетерпѣнія и досады, обвиняя принцессу въ непостоянствѣ и въ неумѣннѣ держать слово.

Никакія утѣшенія m-me де ла Врильеръ не дѣйствовали; онъ молча обдумывалъ свои планы. Похвалы письмамъ воспѣвались при немъ, и ему пришло въ голову тоже написать принцессѣ. Но какъ передать? m-me де Лоржъ врядъ ли согласится; она его избѣгаетъ; просить ее было бы слишкомъ опасно. Онъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи написать арію для герцогини Бургундской, и схватился за это.

Всю ночь онъ обдумывалъ свое письмо, даже оставшись съ m-me де ла Врильеръ, не знавшей, чему приписать его разсѣянность. Вернувшись отъ нея утромъ домой, онъ написалъ страстное письмо въ шесть страницъ, откровенно признаваясь въ своемъ затруднительномъ положеніи, выдавая свою любовницу, хотя не называя ее, и намекая что колеблется между двумя привязанностями.

Это была большая ошибка съ его стороны. Ни одна женщина не простила бы подобной вещи, а тѣмъ болѣе первая принцесса Франціи. И слогомъ и мыслью письмо Нанжиса далеко уступало письму Молевріе и должно было погубить его, а между тѣмъ оно то его и спасло, потому что за него было срдце.

Въ тотъ же вечеръ послѣ молитвы онъ незамѣтно прошелъ корридорами и задними ходами къ комнатамъ принцессы; она одѣвалась, не офиціально, а серьезно, какъ она выражалась, въ самыхъ отдаленныхъ комнатахъ.

Нанжись подошелъ къ ея любимой дѣвушкѣ, озабоченно выходившей отъ нея съ пенюаромъ на рукѣ, и началъ комплиментомъ и поцѣлуемъ, что для этихъ дѣвушекъ гораздо дороже денегъ, особенно отъ такого красиваго кавалера.

— Генріэтта, — сказалъ онъ, — вотъ тутъ аріетка, которую герцогиня Бургундская ждетъ ужъ нѣсколько дней; отдай ее сама, понимаешь? она хочетъ выучить ее потихоньку для короля, и я условился съ ней передать черезъ тебя, чтобы никто не замѣтилъ. Вернись мнѣ сказать, какъ она приметъ; я задержалъ аріетку и боюсь, что герцогиня разсердится. Я тебѣ подарю отличное шелковое negligé за труды.

Генріэтта не заставила себя долго просить, передала и вернулась съ отвѣтомъ. Принцесса покраснѣла, взявъ аріетку, но не казалась сердитой. Она ее спрятала въ карманъ и не велѣла никому входить къ себѣ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, остававшихся до ужина.

Значить, она читаетъ письмо.

Нанжись убѣжалъ, дрожа отъ радости. Вернувшись очень поздно, онъ спрятался за толпой придворныхъ; въ голубомъ залѣ шла игра въ карты. Король уже ушелъ и слушалъ музыку у m-me де Ментенонъ.

Принцесса угадала его присутствіе, покраснѣла и стала дрожать больше, чѣмъ онъ.

II.

Это была настоящая битва, съ равнымъ оружіемъ.

У принцессы вѣроятно оба письма лежали въ карманѣ, и она сравнивала ихъ, играя въ карты, потому что всѣхъ поражала своей разсѣянностью.

Сердце ея конечно принадлежало Нанжисъ; онъ видимо нравился ей больше соперника; но она боролась между любовью и желаніемъ мести, сама запутывалась и не могла отдать себѣ отчета въ собственныхъ чувствахъ, а дорого бы дала за это. Она отвѣчала не впопадъ, и каждый изъ обоихъ претендентовъ приписывалъ это себѣ.

M-me де ла Врильеръ сейчасъ догадалась, что случилось что нибудь новое, неизвѣстное еще ей и грозившее ея счастьемъ, но не смотря на свою проницательность, не заподозрила бы существованія письма. Писать было не въ обычаѣ Нанжиса.

Весь вечеръ онъ держался въ сторонѣ.

Молевріе, напротивъ, вертѣлся около стола; богиня ободряла его иногда, но не перестала быть разсѣянной.

Наконецъ чувство пересилило. Повернувшись къ Нанжисъ, она позвала его взволнованнымъ голосомъ, опутивъ глаза.

Всѣ увидѣли въ этомъ явную милость. Молевріе и m-me де ла Врильеръ поблѣднѣли, какъ уличенные въ преступленіи.

Нанжисъ забылъ всѣ угрозы любовницы; у него голова закружилась отъ радости. Онъ подошелъ, перегнувшись вдвое изъ почтенія и необходимости скрыть выраженіе лица, которымъ больше не могъ владѣть.

— Г. де Нанжисъ, сказала принцесса такъ, чтобы ее могли слышать только сидѣвшіе возлѣ (но и тѣ отодвинулись), — я получила вашу аріетку, читала ее и выучу; она недурна.

— Ахъ, ваше высочество!..